

ЕЛИЗАВЕТА МАРТЫНОВА

НАМ ТОЛЬКО СЛОВО ОСТАЁТСЯ...

* * *

Родины слепые пустыри,
Зеленю молочной свет наполнив,
Проникают ветром на балконы,
Шелестят на краешке зари.

Молочай, татарник, суета
Одуванчиков и желтоглазой пижмы —
В предзакатном свете всё подвижно,
И роса мерцаньем занята.

Как люблю я этот странный час,
С розовыми окнами напротив.
Пятница готовится к субботе.
Тополь в небе — чёрная свеча.

В бабушкиных окнах — тишина.
На площадке детской говор слышен.
Малышня играет между вишен,
Я сижу на лавочке одна.

МАРТЫНОВА *Елизавета Сергеевна* родилась в Саратове в 1978 году. Окончила Саратовский госуниверситет. Кандидат филологических наук. Главный редактор журнала "Волга. XXI век". Автор книг "Письмо другу" (2001), "На окраине века" (2006). Лауреат премии Ю. П. Кузнецова (2008). Слушательница семинара А. Казинцева и С. Куняева на Форуме молодых писателей в Липках. Живет в Саратове.

Время здесь как будто бы стоит,
Жизнь и смерть сплавляя воедино.
Воздухом прошитая картина
Дышит — и прозрачностью манит.

Господи, оставь дыханье мне
Прежнее, живое, молодое,
Чтобы стать окраиной седою
В этом заревом её окне,

Чтобы чуют запах земляной —
Дождевой, непознанный, щемящий.
Родина. Свет первый. Настоящий.
Жизнь, которая произошла со мной.

* * *

Тонкие вишни как будто бы маслом написаны —
Так их сиянье прекрасно над чёрной землёй.
Наискось ветер срывается беглыми искрами.
Бледное пламя полощется над головой.

Прожито небо. Весною земное дороже —
Ишь, как дрожит, отзывается чуткой струной
Каждая травка на солнечный замысел Божий,
Каждая птица под новой и белой луной.

Скрипнет калитка ночная светло и маняще —
Смех ли раздастся, обрывок ли песни какой —
Вижу тебя во дворе: ты живой, настоящий,
Снова отводишь цветущую ветку рукой.

Как я хочу, чтобы это мгновенье продлилось,
Чтобы на воздухе лёгкий застыл лепесток.
Вымолить бы мне от Бога ту малость и милость:
Взгляд твой упрямый и твой молчаливый упрёк.

* * *

На стыках рельс подрагивая мерно,
Плывёт вагон сквозь утреннюю мглу.
Огни желтеют холодно и нервно,
Как бабочки, мелькают по стеклу.

Наладим быт походно-переменный,
Закроем шторой сумерки окна.
И чай нальём в стакан обыкновенный.
И вспомним дом, в котором тишина.

Он там один. Кругом поля и горы,
Другие люди, чуждые ему.
Но что ему — пустые разговоры
И души, обжигающие тьму?

Он — наш с тобой. Его душа крылата.
Парит над городом. Сияет, как звезда.
Он помнит нас, все вехи, меты, даты —
И жизнь его надёжна и тверда.

Бродячий дом, неутомимый поезд,
Что знает он о тишине ночной,
Когда летит, ничуть не беспокоясь
О жизни дальней и совсем иной?

Но я люблю две радостных тревоги:
Дом у дороги и дорогу в дом.
Под небом медленным — темнеет склон пологий.
Звезда дрожит на небе молодом.

* * *

Как дрожит снежинкой наша жизнь
На земле обыденной и светлой —
Подожди, за воздух удержишься,
На приметы малые не сетуй.

Гроздь рябины меж оконных рам,
У кормушки — хлопоты синицы,
Сквознячок тягучий по утрам,
Луч, что проникает сквозь ресницы —

Это всё награда: ты живёшь
Голубой пылинкой снегопада.
И когда на землю упадёшь,
На планете дальней синий дождь
Грянет без печали и досады.

* * *

Подумай о лесе. Он сух и печален.
Он прячет себя в тишине.
В нём совы сверкают немymi очами,
И сучья свистят в полусне.

Подумай о сердце. В нём небо и чаша,
Которой насквозь не пройду.
Пульсируют листья всё чаще и чаще,
И каждый из них — точно чёрная чаша,
Качает слепую звезду.

Подумай о доме: по-прежнему волен,
Летает ночами туда,
Где шорох воды, влажный звон колоколен
И в лиственной чаше — звезда.

И сердце, и лес, и окно в чистом поле,
Его золотистая тьма...
Так что же тебе ещё нужно для боли —
Родной и сводящей с ума?

* * *

Другая плотность зрения, мой друг.
Пора душе лучиться и дробиться,
Преодолев свой тягостный испуг,
Себя увидеть облаком и птицей.

Её глаза в себя отворены,
И стёрлась зыбкая перегородка
Между простором, заключённым в сны,
Калиткой кроткой, памятью короткой.

И дотемна по саду ей порхать.
Гнездо не свито, песня не допета.
И разве могут души отдыхать,
Когда наступит радостное лето?..

* * *

Живите, пойте, бога ради,
Стихи из клетчатой тетради,
Звените, как весной ручьи,
Мои родные — и ничьи.
Вы сразу всем принадлежите —
Так окна старых общежитий
Глядят на вольную весну
И освещают, и прощают
Любви простые обещанья
За их воздушную вину.
О прошлом горевать что толку?
Не склеить сердце из осколков,
Засохшей ветке не цвести.
Нам только слово остаётся —
Живое маленькое солнце
В начале и в конце пути.